

СИКОФАНТЫ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

В Афинах для того, чтобы возбудить судебное дело, необходима была частная инициатива. Первоначально эта инициатива признавалась только за потерпевшей стороной (или родственниками). Солон же ввел правило, по которому любой гражданин (δ βουλόμενος) мог выступать в качестве обвинителя за потерпевших обиду ($\tau\acute{o}$ ἐξείναι τῷ βουλομένῳ τιμωρεῖν ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων – Arist. Ath. pol. 9. 1; Plut. Sol. XVIII. 5–7). Предоставление желающему возможности выступать истцом, Аристотель перечислил среди трех наиболее демократических ($\tau\acute{\alpha}$ δημοτικώτατα) преобразований Солона (наряду с отменой долговой кабалы и введением гелиэи – *ibid.*).

Сами афиняне воспринимали инициативу τοῦ βουλομένου в судопроизводстве как одну из самых характерных черт афинской демократии¹, тем более что постановления народного собрания тоже инициировались «желающим». Гиперид риторически вопрошал об этой инициативе: «Что может лучше или демократичнее этого в государстве?» ($\tau\acute{\iota}$ ἐν τῇ πόλει βέλτιον ἢ δημοτικώτερον – IV. 11). Ликург считал инициативу добровольных обвинителей одним из трех оснований, на которых покоится афинская государственность (наряду с законами и судебной системой), отмечая, что «и законы, и суды бессильны без того, кто передает им правонарушителей» ($\omega\sigma\tau$ οὐθ' ὁ νόμος οὐθ' ἡ τῶν δικαστῶν ψήφος ἀνευ τοῦ παραδῶσοντος αὐτοῖς τοὺς ἀδικούντας ἰσχύει – I. 4). Обвинители, делая эту важную общественную работу, выполняли свой долг патриота и гражданина – такие рассуждения мы встречаем и у других ораторов (например, And. IV. 1; Aeschin. I. 1).

В классических Афинах δ βουλόμενος выступал обвинителем именно по государственным искам – γραφαί; частные же иски – δίκαι – могла подавать только потерпевшая сторона или, в случае смерти, – родственники в строго определенном порядке. Существовало несколько вариантов обвинения по инициативе частного лица. Во-первых, δ βουλόμενος мог инициировать дело в том случае, если потерпевший по тем или иным причинам не мог выступить обвинителем сам, т.е. добровольный обвинитель действовал в пользу третьего лица. Под таковым подразумевались обычно те, кто не мог постоять за себя сам: женщины, дети, старики, метеки. Возможным примером такого рода исков была исангелия о дурном обращении с родителями, сиротами, наследницей, о нанесении ущерба сиротскому имуществу (Arist. Ath. pol. 56. 6). Во-вторых, пострадавший от какого-либо правонарушения мог в качестве δ βουλόμενος инициировать государственный процесс (γραφή) против своего обидчика. Очевидно, большинство жертв преступных деяний предпочитало подавать частные иски, ибо в случае выигрыша дела штраф, который должен был уплатить ответчик, причитал

¹ Современные исследователи в этом с ними солидарны: они также указывают на роль инициативы του βουλομένου в развитии народовластия. См., например: *Bonner R.J. Aspects of Athenian Democracy. Berkeley–Los Angeles, 1933. P. 31; Vlastos G. Solonian Justice // CPh. 41. № 2. P. 70–72; Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley–Los Angeles, 1986. P. 15; Bleiken J. Die athenische Demokratie. Paderborn, 1991. S. 21.*

ся истцу (в государственном процессе он шел в казну); в случае же проигрыша истцу ничего не грозило (опять же в отличие от тяжб по $\gamma\rho\alpha\phi\eta$)². Однако в некоторых случаях, когда дело получало, так сказать, общественный резонанс, в него были вовлечены известные персоны, и существовали какие-то особые отягчающие обстоятельства, истец возбуждал государственный процесс. Самый известный – процесс предположительно по $\gamma\rho\alpha\phi\eta$ $\upsilon\beta\rho\epsilon\omega\varsigma$ ³, который затеял против Мидия Демосфен (XXI). Поводом к нему послужила ссора на празднике Диониса: известный афинский богач Мидий, давний враг Демосфена, разорвал на ораторе, бывшем хорегом, одежду и дал ему пощечину.

В-третьих, $\acute{o}$ $\beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ мог возбудить государственный процесс в интересах всего народа, следуя принципу «когда наносят обиду государству, пострадавшими оказываются все граждане» (Plat. Leg. 768a; пер. А.Н. Егунова), и это был самый распространенный вариант обвинения по инициативе частного лица. Иски такого рода чаще всего подавались против видных общественных деятелей – стратегов или ораторов – или в надежде на крупную поживу (одно другого не исключало, разумеется). Так, например, внося $\acute{\alpha}\lambda\omicron\upsilon\gamma\rho\alpha\phi\eta$ – жалобу на владение частным лицом принадлежащим государству имуществом (например, конфискованным), – в случае успеха жалобщик получал часть конфискуемой собственности. Если суд признавал справедливым $\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ – донос о нарушении финансовых интересов государства (неуплата податей, контрабанда, злоупотребления в хлебной торговле и пр.), истец мог рассчитывать на половину стоимости конфискованного имущества. В делах о незаконном присвоении гражданства ($\gamma\rho\alpha\phi\acute{\alpha}$ $\xi\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$) обвинитель мог рассчитывать на 1/3 штрафа или дохода от продажи имущества обвиняемого и продажи его в рабство.

Естественно, в обществе подозрительно относились к тем, кто выдвигал (особенно не единожды) иски, сулящие материальную выгоду. Ликург в той же речи, в которой он восхваляет частную инициативу как одну из основ афинской государственности, упрекает своих сограждан за их предубежденность против добровольных обвинителей: «...теперь так обернулось, что тот, кто идет на личный риск и вызывает к себе ненависть (ответчиков. – Т.К.) ради общественных дел ($\tau\omicron\nu\upsilon$ $\iota\delta\acute{\iota}\alpha$ $\kappa\iota\nu\delta\upsilon\nu\epsilon\upsilon\omicron\nu\tau\acute{\alpha}$ $\kappa\alpha\iota$ $\upsilon\pi\epsilon\rho$ $\tau\omicron\nu\upsilon\upsilon$ $\kappa\omicron\iota\nu\acute{\omega}\nu$ $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\chi\theta\alpha\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\nu$) кажется не любящим город ($\sigma\upsilon$ $\phi\iota\lambda\omicron\delta\omicron\lambda\omicron\nu\nu$), но любящим тяжбы ($\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha}$ $\phi\iota\lambda\omicron\tau\rho\acute{\alpha}\mu\omicron\nu\alpha$ $\delta\omicron\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu$ $\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$). Это и несправедливо, и невыгодно городу ($\sigma\upsilon$ $\delta\iota\kappa\alpha\acute{\iota}\omega\varsigma$ $\omicron\upsilon\delta\epsilon$ $\sigma\upsilon\mu\phi\epsilon\rho\acute{\omicron}\nu\tau\omega\varsigma$)» (I. 3). Предубежденность афинян можно понять. В доступности для любого желающего выступать в качестве обвинителя таился соблазн злоупотре-

² Если истец по государственному иску отзывал свою жалобу до суда (но после вывешивания объявления об иске на $\sigma\alpha\nu\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$ – «досках объявлений» – у памятника герою-эпонимов на агоре) или набирал менее 1/5 голосов судей, ему угрожал штраф до 1000 драхм (Dem. XXI. 47; LVIII. 6) и (или) поражение в правах (атимия). Последнее могло вылиться в запрет на будущее выдвигать иски или вообще по государственным преступлениям, или по тому типу иска, в котором он потерпел неудачу (And. I. 76; Dem. XXVI. 9; LIII. 1). См. Lipsius J.H. Das attische Recht und Rechtsverfahren. Hildesheim, 1966. S. 449; MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. L., 1978. P. 64.

³ См., например: Bonner R., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. I. Chicago, 1930–1938. P. 173; Harris E.M. Demosthenes' Speech against Meidias // HSCIPh. 1989. 92. P. 125, 130. Гаррисон считает обвинение Демосфена $\gamma\rho\alpha\phi\eta$ $\acute{\alpha}\sigma\epsilon\beta\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (Harrison A.R.W. The Law of Athens. Oxf., 1971. Vol. II. P. 62–63). МакДуэлл, к которому присоединяется Де Броу, – процессом по $\pi\rho\omicron\beta\omicron\lambda\eta$ (жалобе в собрание) (De Brauw M. «Listen to the Laws Themselves»: Citations of Laws and Portrayal of Character in Attic Oratory // CJ. 2001/2. 97. P. 166). В любом случае это был государственный процесс (Dem. XXI. 25).

требления: далеко не каждый руководствовался общественным благом, многие преследовали собственные интересы. Так родился еще в V в. до н.э. антигерой афинской судебной системы – сикофант – профессиональный доносчик и шантажист. Его повивальной бабкой и были материальные выгоды, которые получали в процессах определенного рода победоносные обвинители.

Слово *συκοφάντης* – «сикофант» (доносчик) – однокоренное со словами *συκῆα* (*συκῆ*) – «смоковница», *σῦκον* – «смоква». Плоды смоковницы – дерева Деметры – когда-то были запрещены к вывозу из Аттики⁴, поэтому «смоковничать» (*συκοφάντεω*), т.е. сообщать о нарушении запрета, стало означать «ябедничать», «шантажировать». Именно такую этимологию (*σῦκον* + *φαίνω*) предлагают Плутарх (Sol. 24) и некоторые другие античные авторы (Athen. III, 74e; Schol. Plat. Rep. 340d; Schol. Aristoph. Plut. 873 etc). Другую античную версию: сикофанты – те, кто сообщал о краже фиг со священных деревьев, – находим в Свиде (Suid. s.v). Те современные авторы, которых не удовлетворила традиционная версия, выдвигали собственные варианты этимологии, в том числе весьма неоднозначные, например, апеллирующие к известному во многих языках выражению «показать фигу»⁵.

Ко времени Аристофана слово «сикофант», бывшее либо новым изобретением, либо новым употреблением бытовавшего выражения, успело войти в моду: в дошедшей до нас литературе оно впервые встречается в одном из фрагментов Аристофана⁶ (из «Пирующих», 427 г. до н.э. – fr. 228, Kassel – Austin), а затем в «Ахарянах» (425 г.) и в других его комедиях. Но, по утверждению самого Аристофана, в его дни вовсе распевали на симпозиях песенку из комедии «Эвмениды» его старшего современника Кратина «Взятка, обутая в смоквы» (*Δωροῖ συκολέβιλε* – Equit. 529). Те, кто промышлял доносительством, к последней четверти V в. до н.э. уже вполне осознали свою «самость». Сикофант из «Птиц» представляется: «я – островной глашатай и доносчик» (*κλήτηρ εἰς νησιωτικός*⁷ καὶ συκοφάντης – 1422) – и так объясняет Писфетеру, зачем ему понадобились крылья: «Я – клязник. А крылья мне нужны, чтобы, порхая, звать к суду ответчиков»⁸ (1424). Напротив, антипод сикофанта – мирный виноградарь Три-

⁴ Об этом запрете сообщает один из аттидографов – Истр (FGrHist. 334. F 12).

⁵ См. подробнее: Girard P. Quelques réflexions sur le sens du mot «sycophante» // REG. 1907. 20. P. 143–163; Löfberg O. Sycophancy in Athens. Chicago, 1917. Repr. N.Y., 1979. Introd. VII; Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1950. P. 924; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968. P. 1069. Надо учитывать, что слово «фига» (*σῦκον*) имеет широкий спектр всевозможных ассоциаций: агрикультурных, ритуальных, мифических и сексуальных (Christ M.R. The Liti-gious Athenian. Baltimore–London, 1998. P. 49).

⁶ Слово с корнем *συκοφάντ* используется также в Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политике» (I. 14), которая, по мнению большинства исследователей, появилась в 20-х годах V в. до н.э., хотя есть версия и о 40-х годах. Все варианты датировки, обсуждаемые в современной историографии (например, Bowersock G.W. Pseudo-Xenophon // HSCPh. 1966. 71. P. 33–38; Ste. Croix G.M.D. de. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972. P. 307–310; Gomme A.W. The Old Oligarch // More Essays in Greek History and Literature. Oxf., 1962. P. 68), были высказаны еще в конце XIX – начале XX в.; подборка мнений – см. Казаров Е.Г. Спорные вопросы, связанные с псевдоксенофоновой «Афинской политикой» // Сб. ст. в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 212–221.

⁷ «Островной» он потому, что «порхает» на острова Афинской архэ, выискивая там для себя поживу среди союзников (для этого он и хочет приладить себе крылья); *κλήτηρ* мог обозначать и свидетеля обвинения, и того, кто передает вызов в суд.

⁸ Стихотворный перевод цитат из Аристофана – Адриана Пиотровского (здесь и далее выделен курсивом); прозаический – наш собственный.

гей, – знакомясь, говорит: «Я не сикофант и не любитель [чужих] дел» (Рах. 190 – οὐ σικοφάντης οὐδ' ἐραστής πραγμάτων).

Доказательство вездесущности сикофантов, выслеживающих свои жертвы, находим в сцене из «Ахарнян» (818–835). Только мегарец приступил к торговле с Дикеополем, тут как тут сикофант со своим φανώ ταδί πολέμια καί σέ. Об избытке подобного «добра» в Афинах свидетельствует комический эпизод с беотийцем (904–958). Беотиец желает поменять свой товар на то, что есть в Афинах и чего нет в Беотии. Дикеополь предполагает, что это фалерская сельдь или керамика, но когда получает отрицательный ответ, радостно восклицает: «А, догадался, купишь ты доносчика». Эту взаимоприятную беседу прерывает появление сикофанта – «большого подлеца» Никарха, пришедшего «промышлять» и тут же объявляющего товары беотийца «военной контрабандой». В конце сцены беотиец с Дикеополем «упаковывают» сикофанта и делают из него горшок (926–928) на радость хору. Горшок-сикофант сохраняет присущие исходному «материалу» качества: «сосуд бед, вместилище тяжб, поставка для светильника – выявлять тех, кто подлежит отчету» (κράτηρ κοκκῶν, τρίπληρ δίκῶν, φαίνειν ὑπεύθυνους λυχνόουχος – 936–939; ὑπεύθυνοι – сдающие отчет должностные лица – одна из главных мишеней доносчиков).

Сикофанты занимались своим делом с полной отдачей и профессионально, не помышляя о других возможных заработках; сикофантство превратилось в настоящую науку, ремесло – τέχνη (Av. 1423). Когда Праксагора в комедии «Женщины в народном собрании» заявляет, что теперь женщины контролируют правительство и никому не будет позволено заниматься вымогательством, ее муж восклицает: «Не отнимай у меня жизнь!» (μηδ' ἀφέλλῃ μου τὸν βίον – 562–563). Поэт утверждает и то, что в некоторых семьях профессия сикофанта передавалась от отца к сыну. Сикофант из «Птиц» (1410–1469), который появляется в Тучекуевске, знает только один способ заработать на жизнь. На вопрос Писфетера: «Зачем живешь доносками?» – он отвечает: «Как быть? В земле копаться не умею я» (1431–1432). Заняться каким-либо честным делом он не желает – это значит опозорить свою семью, в которой ремесло сикофанта практикуется уже несколько поколений: «Не поирамлю семьи своей! От дедов повелось у нас сутяжничать» (1453).

Жертвы сикофантов принадлежат самым разным социальным слоям: это и бедный мегарец из «Ахарнян», и хор старцев из той же комедии, жалующийся на преследования доносчиков (674–691); во «Всадниках» сказано, что любого из афинян может «задушить, запугать, обобрать» главный сикофант – Клеон (773–776); страдают от сикофантов и союзники. О вымогательстве денег у «купцов союзных» профессиональными шантажистами говорится в «Мире» (639–640); сикофант, забредший в Тучекуевск, мечтает о крыльях, чтобы вызвать в суд чужеземца «и полететь за новыми» (Av. 1455–1456). Но самая «вкусная» добыча – богачи: в «Мире» рой доносчиков треплет богача Каллия (285); сикофантская активность Клеона направлена прежде всего против богатых простачков (Equit. 261–265).

В «Плутосе», последней из аристофановских комедий, Доносчик – одно из главных действующих лиц; в этой же пьесе содержится несколько намеков или даже указаний на связь сикофантства с самими устоями афинского общества. С этой точки зрения очень интересен диалог Справедливого человека и Доносчика (902–920). Доносчик заявляет: «Я попечитель (ἐπιμελητής) по всем делам города – и государственным и частным». И далее: «Мне подобает благодетель-

ствовать (εὐεργετεῖν) родному городу». Справедливый человек уточняет: «Благодетельствовать – это совать нос в чужие дела (πολυπραγμονεῖν)». Доносчик – в ответ: «Это значит поддерживать установленные законы (τὸ μὲν οὖν βοηθεῖν τοῖς νόμοις τοῖς κεκμένοις) и не позволять, чтобы кто-то нарушал их». «Да разве не предостаточно судей выставляет наш город, чтобы управлять?» (οὐκοῦν δικαστὰς ἐξελίττηδες ἢ πόλις ἄρχειν καθίστησιν), – восклицает справедливый человек. Следует важный обмен репликами. Доносчик: «Кто ж обвиняет?» (κατηγορεῖ δὲ τίς). Справедливый человек вынужден произнести ключевое слово: «Кто пожелает» (ὁ βουλόμενος). Доносчик – тут же: «Да разве я не такой желающий, потому и дела города – в моем ведении» (οὐκοῦν ἐκεῖνος εἰμ' ἐγώ, ὥστ' εἰς ἐμ' ἦκει τῆς πόλεως τὰ πράγματα). Справедливому человеку остается лишь горестно воскликнуть: «Клянусь Зевсом, негодный же заступник (πονηρὸν προστατήν) у города!».

И хотя сцена заканчивается, как часто в комедии (см. «Ахарняне», «Птицы») и редко в жизни, посрамлением и избиением ябедника, в словах сикофанта даны серьезные (с точки зрения афинской судебной практики) обоснования существования этого малоприятного явления общественной жизни, истоки которого коренятся в отсутствии государственного обвинения в Афинах. Афинская судебная система также благоприятствовала развитию сикофанства: из аристофановских «Ос» видно, как дикасты вождели обвинительных приговоров и как легко были готовы по мановению демагога преследовать очередную жертву (158–160, 240–243; *Equit.* 1358–1360)⁹. Доносительство как общественное явление, появление профессиональных и даже наследственных шантажистов несомненно связаны с утвердившемся после Греко-персидских войн и реформы Эфиальта всевластием гелиэи, расцвет же сикофанства приходится уже на следующий, IV век до н.э.

Судя по нашим источникам (для IV в. до н.э. – это прежде всего речи ораторов), краткий перечень сикофантских функций выглядит следующим образом: 1) они шантажируют богатых и влиятельных людей, угрожая выдвинуть против них иски, например, при сдаче отчета (*Isocr.* XXI. 5. 8; *Dem.* XXV. 52; LIX. 43; *Hyp.* I. 2); 2) они инициируют такие иски, по которым обвинитель получает часть штрафа (*Dem.* LVIII. 13. 64; *Hyp.* IV. 34); 3) они обвиняют за деньги (*Dem.* XXI. 103; LI. 16; LIX. 43; *Aeschin.* I. 20)¹⁰. В последнем случае сикофанта чаще всего нанимали в качестве агента третьего лица, чтобы он возбудил контриск против потенциального истца. Таким агентом был, например, Евктемон, нанятый Мидием для того, чтобы тот возбудил обвинение против Демосфена в дезертирстве (*Dem.* XXI. 103).

Для афинян профессиональное доносительство имело несомненный отрицательный смысл, поэтому все коннотации слова «сикофант» несут на себе этот пейоративный груз¹¹. Как только ни бичевали сикофантов афинские авторы!

⁹ Филоклеон в сцене домашнего суда над провинившимся псом Лабетом, представляющего собой пародию на афинский судебный процесс, еще до начала разбирательства решает, что «обвиняемый» будет осужден (*Vesp.* 893), когда же он случайно, сбитый с толку Бделиклеоном, опускает свой камешек в урну для оправдания, он падает в обморок от потрясения (990–1000).

¹⁰ См. *Lofberg.* *Op. cit.* P. 26–59; *Bonner, Smith.* *Op. cit.* Vol. II. P. 54–55; *Harvey D.* *The Sykophant and Sykophancy: Vexatious Redefinition? // Nomos: Essays in Athenian Law, Politics and Society / Ed. P. Cartledge, P. Millett, S. Todd. Cambr., 2002. P. 110–114; Christ.* *Op. cit.* P. 50.

¹¹ В отличие от «софиста» и «демагога», которые, как заметил Харвей, начинали свой путь достаточно респектабельно (*Op. cit.* P. 107).

Они клеймили сикофанта и зверем (λύκος – Xen. Mem. II. 9. 1–2; θηρίον – Dem. XXV. 8), и дикарем (ὠμός – ibid. 63), и злодеем (κακοπράγμων – Isocr. XV. 224), и святотатцем (ιερόσυλος – Aristoph. Plut. 30), и чумой (λοιμός – Dem. XXV. 80), и всеобщим врагом (κοινὸς ἐχθρὸς – Dem. XXV. 82; Isocr. XX. 14). Слово πονηρός – вообще чуть ли не устойчивый эпитет¹². Жертвой сикофанта может оказаться любой: и тот, кто держится в стороне от общественной жизни (ἀπράγμων), и активный политик¹³. Герой одной из речей Лисия сетует: «Прежде я думал, что всякий может избежать суда и кляуз, если будет держаться в стороне от общественной деятельности. Но теперь я так неожиданно подвергся обвинению и попал в руки подлых сикофантов, что, думается мне, даже младенец в утробе матери уже должен бояться за будущее» (Lys. VII. 1; пер. С.И. Соболевского). Излюбленная добыча доносчиков – богачи: по замечанию Исократы, – те, кто слаб в речах, но достаточно богат, чтобы платить (τοὺς ἀδυνάτους μὲν εἰλεῖν, ἱκανοὺς δὲ χρήματα τελεῖν – XXI. 5). Никий, известный политик и владелец многих копий в Лаврийских рудниках, непрестанно терроризируемый сикофантами, был мишенью насмешек для афинских комедиографов, отмечавших его запуганность и зависимость от профессиональных ябед (Plut. Nic. 4 – отрывки из комедий Телеклида, Евполида, Аристофана и Фриниха). Плутарх утверждает, что, избегая общения с доносчиками, Никий чурался трапез и общения с согражданами, приходил первым и уходил последним из Совета, а когда общественных дел не было, сидел дома взаперти (Nic. 5).

Постоянной жертвой сикофантов ощущал себя Исхомах из Ксенофонтова «Домостроя», поэтому он стал практиковаться в красноречии и устраивать дома судебные инсценировки со слугами и женой, дабы уметь защитить себя (Oecon. XI. 21–25). В «Меморабилиях» Ксенофонт рассказывает еще одну историю: Критон, которого затаскали по судам сикофанты, отчаявшись и следуя совету Сократа завести себе человека, который подобно собакам, отгоняющим волков от овец, будет отгонять от него доносчиков, находит некоего Архедема, бойкого, но бедного. Тот (за вознаграждение, конечно) начинает преследовать сикофантов, ранее досаждавших его покровителю, их же методами, так что теперь они платят Архедему (Mem. II. 9).

В речах судебных ораторов перед нами предстает целая галерея профессиональных вымогателей: Агорат (Lys. XIII), Каллимах (Isocr. XVIII), Феокрин (Dem. LVIII), Аристон (Нур. I. 2). Деятельность последнего Гиперид описывает следующим образом: «...идя от одного к другому, он всех вызывает в суд. Тех, кто не дает ему денег, он привлекает к суду и обвиняет; тех, кто согласен платить, оставляет в покое» (пер. Л.М. Глускиной). Другой шантажист, Каллимах, затевал дело, а через какое-то время его приспешники задушевно беседовали с намеченной жертвой, объясняя ей судебные риски и капризность фортуны, и предлагали избавиться от тяжких обвинений за скромную сумму (Isocr. XVIII. 9–10). Сикофанты, сплачивая свои усилия, даже объединялись в своего рода клубы

¹² Харвей приводит около 50 ссылок на него; у него же собрано множество других «лестных» эпитетов из источников по адресу сикофантов (правда, в английском переводе): *The Sykophant and Sykophancy...* P. 107–109.

¹³ См., например, анекдот, рассказанный Плутархом в «Моралиях»: Гиперид, обвиненный в том, что откупался от сикофантов, воскликнул: «Во всяком случае, меня поймали за тем, что я даю деньги, а не беру их» (Plut. Mor. 541 f2–6).

(Dem. XXXIX. 2; XL. 9 – ἐργαστήρια σικοφαντῶν)¹⁴. В речи против Феокрина (ее авторство приписывается либо Демосфену, либо Динарху) деятельность таких неформальных сикофантских объединений описывается следующим образом: «Ведь вам часто приходилось видеть, как они в судах и на ораторской трибуне заявляют о своей вражде, а частным образом обделяют одни и те же делишки и делают взятки, как они сначала бранятся, а немного спустя справляют вместе праздники и участвуют в общих культах» (Dem. LVIII. 40; пер. А.Я. Тыжова). Эпихар, произносящий эту речь, указывает на такие виды козней Феокрина и его сподручных: они отговорили синегоров Эпихара помогать ему (ibid. 4. 42); угрозами и убеждениями они заставили свидетелей не давать показаний (ibid. 7); они собираются помогать на суде Феокрину (ibid. 44).

Во многом типичной для профессионального доносчика была карьера Агората. Он был рабом, получившим права гражданства за то, что якобы принимал участие в убийстве лидера олигархов Фриниха в 411 г. Но, как утверждает оратор в речи, написанной для него Лисием, это неправда: Агорат подкупил некоего чиновника и его имя появилось на стеле в надписи, прославляющей убийц Фриниха (Lys. XIII. 64, 70–76). Несколько лет, с 411 по 404 г. Агорат «работал» сикофантом, внося бесконечные иски – δίκαι, ὑραφαί, ἀποὑραφαί; в конце концов был осужден за злостное доносительство и вынужден был уплатить 10000 драхм штрафа (XIII. 65). Свою полную беспринципность он, который получил гражданство якобы за убийство лидера олигархов, продемонстрировал после поражения Афин в Пелопоннесской войне, поступив на службу к олигархам и обвинив многих сторонников демократии как заговорщиков. Все эти бедняги были потом казнены тридцатью тиранами (XIII. 18–35). Почувствовав, куда дует ветер, Агорат в очередной раз «поменял ориентацию», примкнул к сторонникам демократии в Филе и вместе с ними победоносно вернулся в Афины (XIII. 77). Через несколько лет родственник одного из казненных по вине Агората привлек сикофанта к суду¹⁵.

Но, пожалуй, самый запоминающийся образ сикофанта предстает перед нами в речи Демосфена «Против Аристокитона»¹⁶ (тот же сикофант Аристокитон – «герой» одной из речей Динарха (II), в которой он назван худшим человеком в Афинах). «Итак, что же такое этот Аристокитон? Клянусь Зевсом, собака де-

¹⁴ Эту проблему подробно исследовал Г.М. Калхун (*Calhoun G.M. Athenian Clubs in Politics and Litigation. Austin, 1913. P. 79–81, 95–96*), а вслед за ним и Лифберг (Op. cit. P. 59–68). Кажется все же, что американские ученые преувеличили размах этого явления, изыскивая повсюду «сикофантские эргастерии». Более осторожный подход – с указанием на принципиальную разницу между аристократическими гетериями и ἐργαστήρια σικοφαντῶν – см. *Lipsius. Op. cit. S. 909*.

¹⁵ Похоже, что и из этого инициированного против него процесса (между 400–398 гг. до н.э.) Агорат благополучно вывернется: маловероятно, что клиенту Лисия удалось добиться осуждения доносчика ввиду объявленной сторонниками демократии амнистии. См. об этом процессе и его перспективах: *Cloché P. La restauration démocratique à Athènes en 403 avant J.-C. P., 1915. P. 331–342* (датировка – с. 331–332; возможный исход и аргументы в пользу оправдательного приговора – с. 338–341).

¹⁶ Относительно принадлежности этой речи Демосфену высказывались сомнения; нам лично кажутся более убедительными доводы защитников авторства великого оратора. Не углубляясь в дискуссию (некоторые ее подробности см., например, в комментарии к XXV речи в кн.: *Демосфен. Речи / Отв. ред. Е.С. Голубцова и др. Т. 1. М., 1994. С. 560–562*), заметим, что для нашего сюжета вопрос о том, был ли автором речи «Против Аристокитона» сам Демосфен или другой афинский оратор, не является принципиальным.

моса (κῶων τοῦ δήμου), как говорят некоторые. Какого же рода? А такого, что он не кусает тех, кого называют волками, а пожирает овец, которых, как он сам заявляет, он стережет... Он проходит через рыночную площадь подобно змее или скорпиону, подняв жало, озираясь по сторонам и выбирая, кого бы оклеветать, кому бы причинить горе, кого ввергнуть в страх, у кого выманить деньги» (Dem. XXV. 40, 52; пер. А.Я. Тыжова). Всевозможные преступления совершил этот злодей: бросил своего отца в тюрьме и даже не похоронил его, а против тех, кто оплатил похороны, возбудил иск (XXV. 54); продал свою сводную сестру (XXV. 55); предал свою возлюбленную (XXV. 56–57); будучи в тюрьме как государственный должник, украл у своего сокамерника важный документ и откусил ему нос (XXV. 60–62). Неоднократно против Аристокрита выдвигались обвинения: однажды он даже был осужден за сикофантию (XXV. 19), дважды по жалобе о противозаконии его присуждали к уплате штрафа в пять талантов (XXV. 67–68). Периодически он оказывался в тюрьме как государственный должник, – по уверению Динарха, он провел в ней больше времени, чем вне ее (Din. II. 2). Его последним преступлением стала взятка в 20 мин, которую он принял от бежавшего казначея Александра Гарпала. За это он был обвинен, осужден и умер в тюрьме.

Нельзя сказать, что против профессиональных ябедников и шантажистов не применялось никаких мер. Были косвенные, но, очевидно, малоэффективные механизмы, призванные приструнить доносчиков: штраф за отозванный или проигранный государственный иск. Против сикофантов можно было возбуждать разного рода иски: γραφή σικοφαντίας (Isocr. XV. 314; Arist. Ath. pol. 59. 3); жалобу в собрание – προβολή (Isocr. XV. 314; Arist. Ath. pol. 43. 5)¹⁷ и, если прав Исократ (он один сообщает об этом¹⁸), исангелию перед Советом (XV. 314). Из источников известны только два случая, когда сикофанты были осуждены за свой промысел (что, впрочем, не уменьшило их сутяжнической ретивости), – это Агорат (Lys. XIII. 65) и Аристокрит (Dem. XXV. 19). Поймать сикофанта за руку было непросто; его жертва должна была быть сильно мотивирована, решительно настроена и влиятельна, чтобы отважиться на открытый процесс. Успех этот последний мог иметь, если деятельность доносчика повредила не только личным, но и общественным интересам.

Сладить со злом сикофантства афинская демократия так и не захотела, но даже если бы захотела, вряд ли смогла бы: чтобы искоренить его, надо было менять всю судебную систему, построенную на добровольной инициации иска и добровольном обвинении. Профессиональное доносительство удачно вписывалось и в контекст социально-политических отношений: демос утверждал таким образом свою власть над элитой, осуществлял своеобразный контроль над нею, заставляя ее богатых и знатных представителей трепетать при виде выискивающих свою добычу сикофантов. С социально-психологической точки зрения активность сикофантов давала выход чувству зависти и вражды к сильным мира сего¹⁹, являясь, как теперь принято говорить, средством компенсации фрустра-

¹⁷ Голосование в собрании по προβολή носило рекомендательный, а не окончательный характер, и недовольный его исходом мог далее обращаться в суд. См. *Lip-sius*, Op. cit. S. 211–219.

¹⁸ Закон об исангелии (νόμος εισαγγελτικός), который приводит Гиперид (IV. 7), не содержит упоминания об обвинении против сикофантов.

¹⁹ См. *Бузескул В.П.* История Афинской демократии. СПб., 2003. С. 299.

ции²⁰. Знаменитую горько-ироническую инверсию, иллюстрацию к перемене ролей в структуре отношений демос – элита представил Хармид, один из сотрапезников Ксенофонта «Пира»: когда он был богат, ему приходилось постоянно нести расходы на литургии и ублажать сикофантов; он знал, что они скорее могут навредить ему, чем он им. Теперь же, после того как он разорился и всего лишился, – «...город мне доверяет; никто мне больше не грозит, а я уже грожу другим; передо мной уже встают с мест и уступают дорогу на улице богатые. Теперь я похож на тирана, а тогда, несомненно, был рабом» (Symp. IV. 29–32; пер. С.И. Соболевского). Аналогичное «переворачивание» подмечает и Лисий: доносчики (оратор упоминает поименно Эпигена, Демофанта и Клисфена), разорившие и сгубившие многих неповинных состоятельных людей, воспользовавшись благоприятной ситуацией после низвержения олигархов, «из бедняков сделались богачами» (ἐκ πενήτων πλούσιοι ἐγένοντο – XXV. 25–26).

Так случилось, что сикофанты стали в каком-то смысле неразлучны с демократией – подобным образом эта напасть воспринималась античными интеллектуалами. Плутарх в биографии Тимолеонта замечает: вероятно, не только у всякого жаворонка должен появиться хохол (ссылка на Симонида), но и во всякой демократии – сикофант (ἐλεῖ δὲ χρῆν ὡς εἰκεν οὐ μόνον πᾶσι κορυδαλλοῖς λόφον ἐγγίνεσθαι, κατὰ Σικωνίδην, ἀλλὰ καὶ πασῇ δημοκρατίᾳ σικοφάντην... – Tim. 37. 1). Многие современники афинской демократии с удовольствием отправили бы доносчиков на край земли, памятуя об истории, поведенной Феопомпом: будто бы Филипп Македонский основал во Фракии город – Πονηρόπολις, намереваясь собрать туда и поселить там «сикофантов, поддельвателей завещаний, синегоров²¹ и прочих злодеев численностью до 2000» (FGrHist. 115. F 110).

Долгое время в историографии господствовало мнение, основанное на традиции, – его суть: сикофант – это тот, кто злоупотребляет правами τοῦ βουλευμένου²². Однако в новейшей литературе наблюдается новое веяние в духе «О бедном сикофанте замолвите слово...». Почин положил Артур Эдкинс, утверждавший, что образ сикофанта был искажен «недружественными» писателями, представлявшими высший класс (*agathoi*); на самом деле сикофант – не столько тот, кто обвиняет невинного по низкому умыслу, пустяшному поводу или корыстному расчету, сколько тот, кто обвиняет виновного (или того, в чью вину

²⁰ Именно в таких словах характеризует остракизм И.Е. Суриков (Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 353). Нам кажется сомнительной карнавальная природа остракизма (с. 351–352), в доказательство которой автор и рассуждает о «переворачивании» и «фрустрации», но мы не могли не обратить внимания на некоторые точки соприкосновения у данной процедуры и расцветшего сикофанства: и то, и другое – средство утишить зависть и компенсировать недовольство собой и положением вещей, направленное на того, кто эту зависть вызывал.

²¹ Здесь имеются в виду общественные обвинители.

²² Упомянем лишь некоторые работы: *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. I. СПб., 1997. С. 229; *Бузескул.* История Афинской демократии. С. 297–301; *Соболевский С.И.* Комментарии // *Ксенофонт.* Сократические сочинения. СПб., 1993. С. 343–345; *Reinach S.* Sycophantes // REG. 1906. XIX. P. 335–358; *Lipsius.* Op. cit. S. 448–451; *Lofberg.* Op. cit. Passim; *Glotz G.* The Greek City and its Institutions / Transl. by N. Mallinson. L., 1969. P. 251, 335–336; *Bonner, Smith.* Op. cit. Vol. II. P. 39–74; *Cloché P.* La démocratie athénienne. P., 1951. P. 221, 243–244, 253; *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes (A Sociology of Old Attic Comedy). Cambr. Mass., 1951. P. 343–347; *MacDowell.* Op. cit. P. 62–66, 225–226; *Carter L.B.* The Quiet Athenian. Oxf., 1986. P. 82–84, 105–106, 111–116; *Harrison.* Op. cit. Vol. II. P. 60–62, 219–221; *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxf., 1985. P. 444f.

он верит) по патриотическим и гражданским мотивам²³. Робин Осборн пошел еще дальше: сикофанты «осложняли жизнь тем богачам, которые отказывались принимать участие в демократической работе общества»; «жалобы сикофантов были важным демократическим механизмом социального регулирования», а сами они – всего лишь неудобные, назойливые обвинители, а не продажные доносчики, заводившие процессы ради личной выгоды²⁴. Эти идеи подхватил Мэтью Храйст: сикофантство – «часть афинского дискурса о гражданской идентичности»; с его помощью «афиняне сообщали друг другу о нарушениях закона и правовых злоупотреблениях»; сикофант – это особый социальный тип (но не группа и не профессия), штатный аутсайдер, козел отпущения в афинском обществе, «отрицательная модель», призванная отвести критику от демократии²⁵.

Эта новейшая концепция, естественно, вызвала неприятие у историков, мыслящих не столь революционным образом, – например, Дэвид Харвей представил ее развернутую критику²⁶. Воспользовавшись его доводами, присовокупив к ним некоторые собственные соображения, заметим следующее.

Деятельность сикофантов отнюдь не вела к большему участию в демократической политике: доносчики скорее исторгали из нее состоятельных граждан, чем включали. Можно вспомнить Диогнета, брата Никия, который бежал прочь из Афин, так как, по утверждению Лисия, не мог больше выносить бесконечных наветов сикофантов (XVIII. 9). В другой своей речи оратор напоминает о горестных событиях после олигархии Четырехсот, когда доносчики убедили афинян кого-то приговорить к смерти, других изгнать, у многих конфисковать имущество (XXV. 25–26). Аристокитон, по словам Демосфена, часто требовал смерти для своих жертв (XXV. 83); и как саркастически замечает Д. Харвей, результатом такого наказания был бы мертвый афинянин, который едва ли смог бы принять живейшее участие в общественных делах²⁷.

Многочисленные доносчики, наподобие Аристокитона, запугивали и терзали афинских должностных лиц, особенно при сдаче ими отчета, что вряд ли способствовало повышению эффективности деятельности последних (Dem. XXV. 49–50). Сикофанты настраивали состоятельных афинян против демоса, превращали их в олигархов – такую метаморфозу обрисовал Исократ (XV. 318). А вот как Платон описывает переход от «тимократического» человека к «олигархическому»: сын видит, как его отец (достойный человек, т.е. тимократического склада) «был стратегом или занимал другую какую-либо высокую должность, а затем попал под суд по навету клеветников и был приговорен к смертной казни, к изгнанию или к лишению гражданских прав и всего имущества»; сын отказывается идти по стопам отца и любовь к почестям превращается у него в любовь к деньгам (Res. 553b–d; пер. А.Н. Егунова). Лисий и Исократ прямо возлагали ответственность за два олигархических переворота и отпадение союзников на профессиональных доносчиков, скомпрометировавших демократию (Lys. XXV. 19. 27; Isocr. XV. 319). Деятельность сикофантов ввергала государство в раздо-

²³ Adkins A.W.H. *Polu pragmosune and «Minding One's Own Business»: A Study in Greek Social and Political Values* // CIPh. 1976. 71. P. 301–327, особ. 307–311, 316–318.

²⁴ Osborne R. *Vexatious Litigation in Classical Athens: Sykophancy and the Sykophant* // *Nomos: Essays in Athenian Law, Politics and Society*. P. 83–102. Passim; цитаты – с. 98–99.

²⁵ Christ. Op. cit. Passim. С. 48 (цитаты), 50, 59–60, 68–70.

²⁶ Harvey. Op. cit. P. 103–121.

²⁷ Ibid. P. 118.

ры и смуты (στάσις – Lys. XXV. 26; Dem. XXV. 50). На языке политической философии Аристотеля ее результат выглядит следующим образом: «В демократиях перевороты чаще всего вызываются необузданностью демагогов, которые, с одной стороны, путем ложных доносов по частным делам на состоятельных людей заставляют этих последних сплотиться, а с другой стороны, натравливают на них народную массу» (Pol. 1304b 20–24; пер. С.А. Жебелева). И сведения наших источников, и рассуждения большинства древних и современных исследователей относительно сикофантов и их деятельности приводят нас к однозначному выводу: ни о какой позитивной роли или конструктивном значении сикофантов для афинской демократии говорить не приходится²⁸. В то же время профессиональное доносительство, обусловленное некоторыми принципиальными особенностями афинской судебной системы, было в определенном смысле и порождением античной демократии, и неизбежным злом, сопутствующим ей.

SYCOPHANTS AND THE ATHENIAN DEMOCRACY

T. V. Kudryavtseva

In Athens a private initiative was required to bring a public suit against somebody. Lycurgus considered the right of a voluntary prosecutor to take action on behalf of an injured person as one of the corner stones of the Athenian constitution (together with laws and courts). In some procedures in Attic law the successful prosecutors could obtain certain financial rewards: this practice favoured the birth of an anti-hero of Athenian justice – the sycophant, a professional informer and blackmailer. In Aristophanes' «Wealth» the Sycophant is one of the main characters; there are several hints and even evidence of the casual relationship between sycophancy and some institutional foundations of the Athenian society.

The peak of professional blackmailing falls on the 4th century. The brief list of sycophantic activity is as follows: they blackmail the rich to settle out-of-court for a sum of money; they initiate the special prosecutions for reward; they bring «ordered» suits for money. The victim of a sycophantic prosecution could be anyone: a quietist (ἀπράγμων), a professional politician and especially the rich. Some professional informers are named in the article: Agoratus, Callimachus, Theocrines, Aristogeiton.

The Athenian democracy was unable to solve the problem of sycophancy. To extirpate this evil it would be necessary to change the whole judicial system based on the volunteer prosecution. The sycophantic activity fell well into a pattern of socio-political relations: in such a way the *demos* maintained its power over the elite which was terrified of informers. From the psychological point of view it was meant to reveal the ill-feelings and envy towards the high and mighty.

For a long time it was generally agreed that the sycophant was the one who abused the rights of ο βουλομενος. There is a new tendency in the modern scholarship: to protect sycophants from their critics and to stress the positive role of sycophantic prosecutions in the proper functioning of the Athenian democracy (A. Adkins, M. Christ, R. Osborne). The polemics with this opinion concludes the article.

²⁸ Если не считать таковыми возможность выплеснуть отрицательные эмоции (зависть и ненависть к элите).